

"НАХАЛОВКИ" УЛАН-УДЭ: "ОГОРАЖИВАНИЕ" ПРИГОРОДНОЙ ЗЕМЛИ

Автор: Н. И. КАРБАИНОВ

КАРБАИНОВ Николай Иванович - аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

"Нахаловки" - так называют незаконные поселения в народе на городских окраинах. Первые "нахаловки" в Улан-Удэ появились в 30 - 50 годы XX в., но основной бум строительства этих поселений пришелся на 1990-е гг. В это время под влиянием тяжелого социально-экономического кризиса, поразившего прежде всего деревню, в город устремился массовый поток сельских мигрантов. Переезжая в город, мигранты незаконно захватывали участки земли и сооружали на них свои деревянные дома, перевезенные из сельской местности. На август 2006 г., по данным Ростехинвентаризации, в Улан-Удэ числилось 8256 домов, построенных незаконно [1]. По неофициальным данным в "нахаловках" проживают от 15 до 30 тысяч человек. В данной статье представлены результаты полевого исследования, проведенного автором в "нахаловках" Улан-Удэ в 2005 - 2006 годах: включенное наблюдение, серия интервью с жителями незаконных поселений, с городскими чиновниками и коренными жителями, дискурс-анализ местной прессы и других источников СМИ.

Рассмотрю один из аспектов исследования, а именно, процесс присвоения сельскими мигрантами городской земли. Под *присвоением* в данном случае понимается не только физические практики незаконного захвата земли, но и конструирование представлений, с помощью которых этот захват оправдывается. Причем в последнее время они служат не только для оправдания захвата земли, но и используются в качестве инструментов в борьбе, которую ведут жители "нахаловок" против городских властей за признание своих прав на земельные участки.

В 1990-е годы российское село столкнулось с серьезными социально-экономическими проблемами: разрушением многих сельскохозяйственных предприятий и как следствие развалом социальной инфраструктуры, массовой безработицей. Сельское население вынуждено приспосабливаться к новым рыночным условиям [2]. Одной из стратегий адаптации сельчан к рыночным условиям стала миграция в города на временное или на постоянное место жительства. В случае Бурятии основной поток сельских мигрантов устремился в единственный крупный город республики - Улан-Удэ. В качестве основной причины переезда в город почти все информанты указывали на сложную социально-экономическую ситуацию в сельской местности: *"В последнее время, особенно в районах жить тяжело. У нас совхозы расформированы, работы нету, кругом бардак! Можно сказать вынужден был просто-напросто переехать ... Я без работы. Я агроном. Нет совхоза - какой я агроном? Волей-неволей перевезли дом"*.

Переезжая в город, большинство сельских мигрантов столкнулось с дороговизной городского жилья и земли. Именно этой причиной многие объясняют, почему они пошли на незаконный захват земли: *"А нам деваться некуда! В деревне полная разруха! Квартиры в городе дорогие, земля тоже мне не по карману. Поэтому огородил уча-*

сток в "нахаловке". Вынужден был!". Таким образом, присвоение земли выступает способом самостоятельного решения жилищной проблемы, с помощью которого мигранты обретают "право на город" (метафора, предложенная Анри Лефевром [3]) - возможность доступа к городским благам.

В первую очередь переезжают те, кто имеет определенные ресурсы как экономического, так и неэкономического характера. Важным ресурсом неэкономического характера для сельских мигрантов является включенность в родственно-земляческие сети. В "нахаловках" сельские мигранты предпочитают селиться рядом с родственниками и земляками, в свою очередь, подтягивая в город оставшихся в деревне. В результате возникают своеобразные "земляческие кварталы".

Если попытаться выразить одним термином отношение городского сообщества к "нахаловкам" в частности, и к сельской миграции в целом, то это будет *вторжение*. С точки зрения городских чиновников, жители "нахаловок" не только нарушают законы, но и создают серьезные проблемы для будущего развития города. По словам заместителя мэра Улан-Удэ Михаила Егорова, "в первую очередь в генеральном планировании необходимо учитывать экономические и демографические показатели. И здесь возникает проблема - за последние годы процесс миграции сельского населения в город чрезвычайно оживился - сколько жителей будет населять столицу республики, нужно решить сейчас... Если же подчиниться стихийной волне миграции, то в ближайшие десятилетия население города значительно превысит отметку в 400 - 500 тысяч. Неизбежно возникнет ряд негативных последствий - не вытянет ни транспортная, ни социальная, ни экономическая инфраструктуры" [4]. Причем, с точки зрения властей, сельская миграция ведет не только к обострению существующих социальных и экологических проблем: *"Из-за притока сельчан станет еще более актуальной проблема безработицы, повысится преступность, усугубятся проблемы экологии города"* [4]. Возникает серьезная угроза для городского образа жизни: "Архитектор Яковлев считает, что необходимо создавать должные условия жизни в сельских районах и принять за аксиому существование верхней планки численности населения. Последние явления активной миграции сельчан в столицу обрекают на излишние затраты далеко не богатый городской бюджет. Кроме того, деревенские жители переезжают в город вместе со своими домами и негородским образом жизни. Все чаще на окраинах города можно встретить стада коров, Улан-Удэ стал похож на большую деревню" [4].

Для горожан ярким символом вторжения в пространство Улан-Удэ являются "нахаловки", в которых проживают "сельские чужаки": *"Нахаловка" это - "обязательно", они обязательно приехали из деревни, им надо обязательно самоутвердиться и навязать свои ценности, свои взгляды. Понимаешь? Обязательно навязать! И главное их в этом никто не может остановить, они не хотят вливаться, они хотят подавить все это!"*.

Страхи по поводу вторжения "сельских чужаков", которые покушаются на "городские ценности" можно обнаружить и в публикациях. В статье С. Батомункуева, сельская миграция преподносится как "цунами", которое разрушает городскую культуру: *"Деревня, деревенская культура поглощает и ассимилирует город, его культуру, вытесняет горожан из пространства города, и все больше и больше ужимает его для них до размеров их частных домов, квартир, двориков"* [5]. Схожее мнение высказывает С. Галданов, наклеивая на выходцев из сельской местности ярлык "люмпен-маргиналов" [6]. В ответ на антисельские настроения городского сообщества мигранты создают образы, оправдывающие присвоение городской земли и строительство "нахаловок".

Образ "жертвенности". Центральным **образом**, который присутствует во всех интервью с жителями "нахаловок" без исключения, является образ "жертвенности": *"Откуда мы приехали, там делать нечего ... работы нет ... здесь живем как на пороховой бочке! Не знаем, что будет сегодня, что будет завтра! ...но живем пока, будем думать, что будет дальше! Потому что нам сейчас деваться некуда, у нас ребенок ходит здесь два года в школу ... мы вынуждены были прийти и поставить здесь дом!"*. Этот образ активно транслируется "самовольщиками" посредством местной прессы. На страницах газет жители незаконных поселений предстают, во-первых, как "жертвы" социально-экономического кризиса, в результате которого они вынуждены переезжать в город. Во-вторых, распространяется образ "жертвы" гонений городских властей: *"Переселенцы из районов республики, где нет ни работы, ни перспективы"*

для детей, оседают в пригороде Улан-Удэ, ставят дома и надеются, что им помогут. На деле же никакой внятной политики по отношению к этим людям мэрией не ведется. Кроме как угрозами снести бульдозерами их дома, никто с ними не разговаривает" [7].

Образ "ничейной земли". Жители "нахаловок" не признают себя нарушителями закона, и присвоение земли оправдывают тем, что это - либо "ничейная (пустая) земля", либо земля, которая станет ничейной: *"Я здесь собираюсь строиться (показывает на участок рядом с железной дорогой и полком связи - Н. К.). Рядом со мной еще два участка. Уже забили колышки. Не знаем - будем строиться или не будем? Скорее всего будем... Полк связи - федеральная земля, его скоро расформируют и земля будет ничейная".* Присвоение "ничейной земли" начинается обычно с вбивания колышков: *"Каждый огораживает столько сколько сможет... В мае-июне 2004 г., особенно много народа переехало в Новую Комушку и началась борьба за участки - вбивали колышки, а другие их убрали... Главное, чтобы огородиться!.. У нас просила соседка-бабушка немного земли, а мы не дали ей - самим нужна!".* Но вбивание колышков обычно не гарантирует полное "право" на участок. Поэтому следующими важными шагами присвоения является огораживание участка и постройка на нем дома: *"Я в госпитале лежала и там разговор слышала - здесь в "нахаловке" много людей дома поставили... Я колышки заткнула и домой поехала. Через неделю приехала - там все загородили! Колышки мои убрали... потом я здесь колышки поставила и позвонила сыну домой в Хоринск: "приезжай быстро, строить надо!"... Внуки сторожили неделю колышки... Дом загрузили, перевезли... загородили, и никто не будет брать!".* А после того как на "ничейной земле" огорожен участок и поставлен дом, "самовольщички" ее начинают воспринимать как свою собственность. Но то, что они вкладывают в это понятие, радикально не совпадает с юридическим пониманием собственности, к которому апеллирует городская власть. По отношению к земле, на которой жители "нахаловки" построили дома, никогда не используются такие слова, как захватывать, присваивать, и заменяют их нейтральными - "огораживать", "занимать": *"Пришел братишка мужа... он тоже после нас переехал в город... и говорит: "Я там место занял!"*.

Образ "исконных традиций". В борьбе за землю "самовольщички" нередко обращаются к образу "исконных традиций". В качестве примера можно привести конфликтную ситуацию в "нахаловке" поселка Новая Комушка. После того как "ничейная земля" на Новой Комушке была разделена между переселенцами, на нее стала претендовать организация шаманов "Тэнгэри" ("Небо"). Как оказалось, этот участок земли городские власти отдали в аренду "Тэнгэри" для строительства на нем шаманского центра. Выбор места представители шаманской организации объясняли тем, что оно расположено у священной горы Хумэн-хан: *"Шаманы говорят, что это святое место и здесь жить нельзя... духами пугали".* "Тэнгэри" попыталась самостоятельно решить вопрос с освобождением земли. Так они распространяли среди жителей "нахаловки" листовки, в которых "Тэнгэри" обосновывала свое право на эту землю. Но самовольщички отказались освобождать участки: *"Мы сюда пришли, тоже огородили и начали строиться... прошел буквально год... они начали разносить вот эти свои бумажки, что здесь у нас будет шаманский центр "Тэнгэри"... Я им сказала: "Вы предъявите, хотя бы, что вы действительно от этого шаманского центра"- Они говорят: "нет!". Нам дали это распоряжение, какую-то бумажку, что мы - "Тэнгэри", а никаких документов, что они действительно представители от этого, они не предъявили!".* При этом жители апеллировали к "исконным традициям". Они утверждали, что "Тэнгэри" - это "неправильные шаманы", в отличие от "настоящих шаманов", и, следовательно, не имеют права на "их землю". Так один из жителей иронично высказался по этому поводу: *"Вот шаманы, по-русски колдуны, раньше всегда строились подальше от поселений, а "Тэнгэри" хочет строиться среди людей. Если они юридическое лицо, у них все по преискуранту, то у них есть услуга по изгнанию духов. Я не понимаю - куда они будут духов складывать? Какие-то неправильные шаманы... Это наша земля".*

Образ "земли предков" ("дедовых домов"). После присвоения "ничейной земли" жители "нахаловки" начинают воспринимать новую "собственность" как "землю предков" и (или) "дедовы дома": *"Я считаю, что это наша земля исконно, наши предки, наши родители восстанавливали после войны разрушенное хозяйство, после Граж-*

донской войны - наши деды здесь жили и работали, поднимали разрушенное хозяйство, строили в то время коммунизм. Не виноваты наши отцы и деды, что оказалась во главе государства кучка бандитов, воров, казнокрадов". Образ "дедовых домов" стал весомым аргументом политических манифестаций. На митингах в 2006 г. жители "нахаловок" апеллировали к историческим событиям, как к возможным доказательствам правомерного обладания "присвоенной" территорией. *"Спасибо мэрии родной, За то, что сделала со мной. Стою - законов куча, нет одного. Что наши предки защищали под Москвой. Для будущих, для нас живущих. А не для мэрства стерегущих Свои большие терема ... А за последние дедовы дома. Стоять за них, стоять за жизнь, Осталось мне, тебе - вот брат - дела!"¹.*

Образ "дедовых домов" на сегодняшний день не принимает националистическую окраску, как, например, это происходит в Кыргызстане, где захват земли оправдывается мифом об "исконной земле киргизов". В то же время жители "нахаловок", проживающие на "спорных территориях", аргументируют свое право на проживание на "ничейной земле" тем, что они являются выходцами из сел Бурятии. С помощью образа "дедовых домов" самовольщики Улан-Удэ апеллируют к региональной идентичности и "бурятскости": *"Они понимают (жители "нахаловок". - Н. К.), что это их родная земля! Ведь это же буряты или уроженцы Бурятии! У них нет родовых земель во "франциях" или "бельгиях". Вот это их родина! Они здесь жили всегда, в этой земле кости их предков, в этой земле их история".*

В 2006 г. городские власти перешли от угроз к делу - в "нахаловках" было снесено несколько домов. В ответ на силовые действия властей в Улан-Удэ зародилось общественное движение, объединяющее жителей практически всех "нахаловок" города. В течение только одного лета 2006 г. представители движения несколько раз перекрывали федеральную трассу, провели два митинга. И здесь интересно отметить, что образы, которые первоначально представляли собой практики повседневно оправдания, трансформировались в "идеологию" общественного движения жителей "нахаловок". В таком ракурсе данные образы выступают культурным капиталом, позволяющим достичь группе желанной политической видимости и тем самым обрести "право на город".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. В Улан-Удэ 8256 домов построены незаконно. 2006. 24 августа // www.regions.ru/news/2001608/
2. Орлов Г. М. Село и российские реформы // Социол. исслед. 1997. N 5; Лылова О. В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социол. исслед. 2003. N 9; Карнаухов СТ., Черемных Н. А. Аграрная реформа в одном селе // Социол. исслед. 2006. N 5.
3. Lefebvre H. The Production of Space / Transl. by D. Nicholson-Smith. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
4. Шевцова Е. Горожан проверят на зрелость. "Улан-Удэ для улан-уэнцев" или "город открытых дверей"? // Номер Один в Бурятии. N 18. 2004. 5 мая.
5. Батомункуев С. Этническая идентичность в условиях постсоветского Улан-Удэ // Байкал. 2005. Спецвыпуск. С. 146 - 151.
6. Галданов С. Город без горожан? // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Иркутск, 2002. С. 58 - 63.
7. Ульянова Л. Люди собираются лечь на пути бульдозеров // Номер один в Бурятии. N 34. 2005. 24 августа.

¹ Надпись на плакате. Митинг. 2006, 28 августа.